

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Посконной Жанны Вениаминовны «Феномен жизни в традиционном мировоззрении алтайцев», представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры в диссертационный совет Д 210.006.01 на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры»

Актуальность избранной темы

Выбранная Ж.В. Посконной тема для диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата культурологии, несомненно, актуальна в связи с наблюдаемыми противоречивыми тенденциями глокализации, все чаще возникающими в актуальной повестке кейсами культурного и политического традиционализма, национализма, что в сумме существенно усложняет (если не меняет в корне) устойчивые современные представления о едином глобальном процессе и, в частности, в области культурной универсализации, культурного диалога, мультикультурализма.

Особый запрос на исследования в данной тематической области существует в связи с проблемой этнокультуры и этнокультурного диалога, особенно актуальной для многонациональных государств, таких как РФ. Причем интерес представляет не только и не столько обмен на уровне внешних культурных форм и артефактов, сколько процесс создания, распространения и укоренения смыслов и ценностей, в т.ч. таких базовых, системообразующих как феномен жизни. Любые попытки структурно проанализировать процессы такого уровня изначально представляют колоссальный научный и философский интерес. Они же не лишены и перспектив практического применения в случае, если результаты исследований доведены до стадии конкретных рекомендаций на уровень государственной политики.

В связи с этими обстоятельствами диссертационное исследование Ж.В. Посконной одновременно актуально и практически значимо.

Новизна исследования и полученных результатов

В отношении новизны полученных диссертантом результатов однозначная оценка затруднена. Автор едва ли абсолютно точен, когда говорит, что впервые рассматривает «предельно широкое понимание феномена жизни в традиционной культуре и ее выражении в мировоззрении алтайцев». Даже не принимая в расчет первую часть данного утверждения, в которой Ж.В. Посконная претендует по сути на первенство в направлении теоретической проблематизации жизни как рефлексивного концепта в целом, стоит заметить, что вопросы отношения к жизни у народов Алтая, географическая детерминация этого отношения (например, через практики хозяйственной жизни) и воплощение результата этих связей в индигенной культурной традиции – далеко не новые темы в сибирской этнографии / этнографии Алтая. Соответствующие работы «классиков» - Л.П. Потапова, Н.П. Дыренковой и еще более раннего В.В. Вербицкого присутствуют в списке литературы рассматриваемой диссертации. Все они так или иначе предполагают, если не прямо постулируют, как минимум наличие связи «сообщество – культура – окружающее пространство», а как максимум ее системообразующую роль, в качестве отправной точки для всей дальнейшей характеристики народов Алтая, их культурного облика и жизненных миров. Что в этом смысле привносит в давно сложившийся академический дискурс данное диссертационное исследование, до конца остается неясным. Возможно, именно «предельно широкое» рассмотрение алтайской модели восприятия жизни в том виде, в котором оно зафиксировано в культуре народов Алтая, в сравнительном контексте с множеством других региональных / этнических кейсов. Однако же, никаких попыток кросс-культурных сравнений, который мог бы усилить работу, в ней нет.

Обращает на себя внимание и специфическое (с т.ч. повестки этнографических / культурно-антропологических исследований) смыслонаполнение понятия «система жизнеобеспечения». На с. 13 диссертации, в частности, можно встретить утверждение о том,

что «... мировоззренческие ориентиры *алтайского народа*» диссертант расценивает как «... особую систему жизнеобеспечения *данных этносов*» (выделение – В.П.). Во-первых, концепт системы жизнеобеспечения этноса, за которым стоит большая часть теории этноэкологии / этногеографии и не меньше трех десятилетий насыщенных дискуссий (1990-е - 2010-е гг., см. например, серию «Этнос и среда обитания» Института этнологии и антропологии РАН), в большей степени понимается как своеобразный тип устройства жизни (как хозяйственной, материальной, так и духовной) в зависимости от особенностей т.н. «вмещающей территории». Между различного рода «мировоззренческими ориентирами» и, собственно, системой жизнеобеспечения непосредственного знака равенства исследователи не ставят, полагая, что связь здесь намного сложнее и тоньше. Во-вторых, в процитированном фрагменте текста сокрыто очевидное противоречие между понятиями «алтайский народ» и «данные этносы» [вероятно, имеются ввиду этносы, территории традиционного проживания которых локализованы в пределах Алтая]. Это свидетельство неполной определенности автора в выборе объекта исследования – будь то народы Алтая или же все сообщество коренного населения региона, условно объединенное под термином «алтайцы». В первой главе диссертации на эту тему есть вполне конкретное уточнение - «алтайцы» – которое вызывает ряд возражений (см. далее по тексту отзыва).

Пункт № 4 в перечне составляющих научной новизны диссертации также содержит вряд ли неоспоримую претензию автора на первенство в деле исследования влияния современных культурных процессов на традиционные формы мышления (с. 12 диссертации).

В остальном составляющие научной новизны полученных Ж.В. Посконной результатов вопросов не вызывают. В особенности они очевидны в той части работы, в которой исследуется динамика соотношения сакрального и профанного в культуре повседневности народов Алтая с опорой на концепцию М. Элиаде и обширные массивы опубликованного предшественниками этнографического нарратива.

Степень обоснованности и достоверности научных положений, выводов и заключений, сформулированных в диссертации

Все пять выносимых на защиту положений в целом достоверны, и в этом смысле к диссертации вопросов нет. Другое дело, что в них недостаточно научной новизны и не всегда понятен собственный вклад диссертанта в соответствующую исследовательскую повестку. По существу, часть защищаемых Ж.В. Посконной положений в защите не нуждается, поскольку не просто соответствует известным науке фактам, но и стали общепризнанными. Это в полной мере можно отнести, например, к утверждениям диссертанта о связи мировоззренческих основ этнокультур народов Алтая с характерными моделями традиционного хозяйства и бытовой культуры (стоит ли здесь делать отсылку к «бессмертному» тезису диалектического материализма о бытии, определяющем сознание?); принятии алтайскими народами норм и ценностей «русской культуры-донора» (к сожалению, отсутствует необходимое в данном случае развернутое уточнение, о каком, собственно, пласте русской культуры все-таки идет речь) в период российской колонизации и освоения Сибири и далее (в этнографической литературе множество соответствующих сюжетов описано с опорой на конкретные этнографические и исторические источники и, как видно, динамика соотношения сакрального и профанного в индигенных культурах – далеко не единственный признак глубоких трансформаций на их стороне); наличии в традиционной культуре «... аксиологического ядра, ... являющегося первоосновой системы отношений... между человеком и окружающим миром...».

Что однозначно в содержании выносимых на защиту положений содержит элемент самостоятельности – это попытка диссертанта предложить особую оптику для рассмотрения вышеперечисленных проблем, основу которой составляет феномен жизни (как в широком онтологическом смысле, так и в аспекте жизни конкретного сообщества в традиционных для него этнокультурных контекстах). В целом, данный приём можно считать успешным. По тексту диссертации (во второй главе) автор сумел из отдельных материалов о жизни и культуре народов Алтая собрать более-менее целостную картину, содержащую относительно новый взгляд на соответствующие уникальные жизненные миры, к тому же переживающие на

протяжении последних 250 с лишним лет период драматических трансформаций. Реконструируя жизненные миры народов Алтая (или, все же, единый алтайский жизненный мир – в этом вопросе остается неясность), автор следует принципам, введенным еще Э. Гуссерлем, что в достаточной степени убедительно обосновано в первой главе диссертации (с. 31-34), в которой приведен солидный обзор философско-методологических оснований, формирующих теоретический каркас исследования. Впрочем, Ж.В. Посконная не просто применяет концепт жизненного мира Э.Гуссерля, а адаптирует его к такому специфическому объекту, как традиционное общество, что составляет существенный теоретический результат диссертации и добавляет самостоятельности диссертационному исследованию в целом.

Значимость для науки и практики выводов и рекомендаций по итогам диссертационного исследования

С точки зрения теоретической значимости диссертации Ж.В. Посконной нет никаких возражений против текста, приведенного в соответствующем разделе введения (с. 14 диссертации). Прделанная диссертантом работа и полученные в итоге результаты, несомненно важны для реконструкции мировоззрения и картин мира сообществ традиционной культуры. Причем с позиций именно носителя той или иной традиционной культуры, ее смыслов и ценностей, а не наблюдающего за ней со стороны исследователя. В этнографии, этнологии, социальной и культурной антропологии, лингвистике и этнопсихологии совершено внушительное количество попыток осуществить подобные реконструкции. Часть из них небезуспешны и даже вполне практически результативны. Однако до настоящего времени актуальность исследований феномена жизни и его культурных интерпретаций у различных сообществ в целом сохраняется.

С практической точки зрения автор диссертации существенно сузил возможное поле применения результатов исследования. Они могут представлять ценность при проведении различного рода этнологических экспертиз или т.н. Social Impact Assessment, направленных на оценку возможного воздействия на сообщества коренных народов различного рода факторов внешней (социально-экономической) среды.

Оценка содержания и оформления диссертации

Работа состоит из введения, двух глав основной части, заключения, списка литературы объемом в 202 источника.

В отношении структурной гармонии и логики построения диссертационной работы никаких замечаний нет.

Во введении с разной степенью полноты и убедительности Ж.В. Посконная приводит тезисы, обосновывающие актуальность темы диссертации, новизну, теоретическую и практическую значимость полученных результатов, определяет объект, предметную область, цели и задачи исследования. Пожалуй, наиболее сильной стороной вводной части диссертации можно считать раздел, посвященный оценке степени проработанности исследуемой темы. Здесь автор приводит в меру объемный, концентрированный текст, в котором четко выделяет философские и научные основания, на которых в основной части диссертации строится обсуждение собственно алтайского материала. Наименее убедительной кажется мотивация в обоснование актуальности темы. Все остальные составляющие дизайна исследования – ключевая цель и решаемые в диссертации задачи, объект и предмет – не вызывают возражений.

Обоснованным представляется решение в первой главе «Феномен жизни в теоретическом мышлении и традиционной культуре» поместить последовательное изложение основных концептуально-теоретических подходов к осмыслению / исследованию феномена жизни на материале т.н. традиционных культур. Большую часть текста первой главы диссертации составляет качественный и подробный обзор интеллектуального ландшафта в исследуемой проблемной области, составленный на основе анализа предшествующих работ. Автору удалось при построении текста удержать очень важный фокус на последовательном развитии рефлексивного дискурса по существу концепта жизни в контексте его осмысления в

рамках традиционных культур. Вместе с тем, достоинством диссертации является наличие собственной критики автора приводимых им концепций и теоретических схем, уже устоявшихся в философии и науке. Примером такого рода ценной критики Ж.В. Посконной является очень важные ее дополнения к понятию жизненного мира Э. Гуссерля, позволяющие адаптировать его для применения в исследованиях феномена жизни в контексте традиционных индигенных культур. В целом первая глава выдержана на высоком академическом уровне, выстроена в соответствии с понятной логикой и вполне гармонична. В ней среди массы альтернативных тезисов о природе жизни как социокультурного артефакта отчетливо видна и собственная позиция автора. Стоит это искренне приветствовать!

В соответствии с общей логикой построения диссертационного исследования вторая глава «Жизнь в традиционной культуре и миропонимании алтайцев» стремится на алтайском материале изобразить картину осмысления и бытования феномена (концепта) жизни в рамках традиционной культуры и мировоззрения алтайцев. Именно алтайцев, поскольку диссертант в начале второй главы (параграфа 2.1) обозначает свою приверженность идее алтайского этногенетического и культурного единства, фактически со ссылкой на предшествующие этнографические исследования заявляя, что «... народы Алтая образуют относительное ... единство ценностей культуры повседневности», а, стало быть, уместно в дальнейших рассуждениях рассматривать их как единое и в культурном отношении гомогенное сообщество. В контексте поднимаемой в диссертации проблематики данное допущение не выглядит бесспорным. Достаточно хотя бы принять во внимание различия в моделях традиционного жизнеобеспечения у южных групп т.н. «алтайцев», все еще сохраняющих, хотя и в весьма ограниченном объеме, традиционные практики скотоводства, и у народов Северного Алтая, хозяйственная специализация которых связана с охотой и собирательством. Это, разумеется, ни в коей мере не отменяет наличия на верхних уровнях идентичности некоего общего пласта всеалтайской общности (к которой, кстати, тяготеют и локальные группы казахов, и западные тувинцы), маркируемой по признакам общего этно- и культурогенеза. Но, все же, поскольку автор намерен поместить характерные паттерны восприятия концепта жизни в повседневность, то локальная специфика организации повседневной жизни через практики традиционного природопользования, по-видимому, выходит на первый план. А в этом смысле народы Алтая – алтай-кижи, теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы – в существенной степени различны. Это хорошо известно этнографии, этноэкологии, которые констатируют разнообразие моделей жизнеобеспечения, устойчиво воспроизводимых отдельными группами коренного населения Горного Алтая (А.Н. Садовой, 1992) или, скажем, фиксируют локальные культурные диалекты (А.Г. Селезнев, 2006). Возможно ли при этом и именно в этом смысле «... характеризовать алтайцев как особый, цельный, единый в культурном отношении мир», остается далеко неочевидным. Нет ли здесь опасности чрезмерной схематизации / упрощения реально более сложной и разнообразной картины «традиционной повседневности» народов Алтая? Некоторые заключения по завершении параграфа 2.1 несколько настораживают, поскольку подтверждают, что определенной доли схематизма диссертация, все же, не лишена. Например, Тезис о том, что «... народы Алтая, исторически формировавшиеся под воздействием одинаковых внешних и внутренних факторов и объединённые одним и тем же жизненным пространством, можно рассматривать и как единую этническую общность на генетической основе, и как единство ценностей культуры повседневности». В этой фразе небесспорны (и, честно говоря, не обоснованы в диссертации с опорой на конкретные данные) все три ключевые мысли: об одинаковых для всех «алтайцев» внешних и внутренних факторах [этно- и культурогенеза]; о единстве их жизненного пространства [если, конечно, не учитывать разнообразия занимаемых отдельными группами экологических ниш – от горных степей до черневой тайги]; о [результатирующем] единстве ценностей культуры повседневности.

В параграфе 2.2 диссертант предпринял небезынтересную попытку проверить свою гипотезу о соотношении сакрального и профанного начал в картине мира / жизненном мире представителей исследуемых сообществ и его исторической (скорее ситуативной) динамике с позиций концепции М. Элиаде на материалах этнографических описаний культов огня, воды, гор, института семьи и традиций социальной организации, мифологии и эпоса. Соответствующий этнографический нарратив структурировано рассмотрен в контексте исторической динамики, вызванной в т.ч. влиянием на Алтай с российской стороны, начиная с

XVIII столетия. Эта часть диссертационного исследования выглядит максимально «свежей», содержательной и самостоятельной. Ж.В. Посоконной в целом удалось обосновать применимость выбранной ею методологии для исследования эволюции жизненного мира индигенной культуры в процессе ее в межкультурной коммуникации и интеграции в общегосударственное социокультурное пространство.

По совокупности представленных в основной части диссертации материалов в заключении автор, суммируя ключевые тезисы, обосновывает новизну своего основного фокуса на проблеме жизни как аксиологического ядра в культурном слое традиционной культуры алтайцев и работоспособность апробированного в диссертации исследовательского подхода, методов и в целом примененной оптики.

Все поставленные во введении задачи в основной части диссертации нашли свое решение. Цель исследования достигнута.

Выполнение требований по опубликованию основных результатов диссертации в научной печати

В отношении требований к опубликованию основных результатов диссертации к диссертации Ж.В. Посоконной замечаний нет. Перечень работ диссертанта, размещенный в автореферате, насчитывает 13 единиц, в т.ч. публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК России – 4 единицы. Результаты диссертационного исследования, таким образом, опубликованы в полном объеме.

Мнение о диссертации в целом и заключение о ее соответствии требованиям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней

В целом, диссертация Ж.В. Посоконной «Феномен жизни в традиционном мировоззрении алтайцев» соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Официальный оппонент, кандидат исторических наук
(07.00.07 - Этнография, этнология и антропология),
заведующий лабораторией этносоциальных исследований
Кемеровского государственного

университета

650000, г. Кемерово, ул. Красная, д.6

тел.(раб.): +7(3842) 58-00-31

тел. (моб.): +7 (913) 297-50-26,

poddub@gmail.com

Дата «01» сентяб 2022 г.

